

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскнхъ мостами, д. № 90-1.

1881.

СОДЕРЖАНІИ.

Правительственные распоряженія.

Нилъ Полевъ . . . . . В. Жмакина.

О говорахъ казанскаго татарскаго нарѣчія
и объ отношеніи его къ ближайшимъ
къ нему нарѣчіямъ и языкамъ. . . . А. Безсонова.

Лузіанъ Мушицкій. . . . . П. Булаковскаго.

Записки о „Руссахъ“ Ибнъ-Фадлана и другихъ
арабскихъ писателяхъ (съ рисункомъ). В. Стасова.

Совѣты и разказы византійскаго боярина
XI вѣка (Окончаніе). . . . . В. Васильевскаго.

Критика и библиографія:

Итоги славянской и русской филологіи. . . . . А. Кочувинскаго.

Матеріалы для русской библиографіи. Хронологическое
обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ
книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ граж-
данскимъ шрифтомъ. 1725 — 1800. Составилъ
Н. В. Гумбертъ. Два выпуска . . . . . Д. Языкова.

Николаевская главная астрономическая об-
серваторія въ 1880 году.

Виленская публичная бібліотека въ 1880
году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: университеты.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки)

ЛУКИАНЪ МУШИЦКІЙ.

Очеркъ изъ исторіи новой сербской литературы.

I.

Теперешній сербскій книжный языкъ сравнительно весьма недавно получилъ право гражданства въ сербской литературѣ. Реформа языка и правописанія, произведенная трудами Вука Караджича, безъ сомнѣнія, принесла ей много пользы. Книга потеряла тотъ характеръ учености, который отличалъ всякое произведеніе, писанное на языкѣ „славено-сербскомъ“. Она стала понятною всякому грамотному человѣку. Правописаніе, основанное на фонетикѣ, освободило пишущаго отъ затрудненій, которыя онъ встрѣчалъ, держась смѣшаннаго правописанія и прибѣгая къ языкамъ русскому, славянскому и сербскому. Сербскіе патріоты обыкновенно изображаютъ Вука Караджича человѣкомъ необыкновенныхъ дарованій, въ трудахъ котораго они видятъ только великую пользу для развитія для своей литературы и своего народа. Но есть у него дурныя стороны. Разрывая связь съ „славено-сербскимъ“ или „славено-русскимъ“ языкомъ, Вукъ Караджичъ рѣзко выдѣлилъ небогатую новую сербскую литературу изъ союза съ русскою, и тѣмъ подвергъ ее значительнымъ опасностямъ. Вводя фонетическое правописаніе, онъ далъ всякому Сербу въ руки орудіе, которое можетъ повести къ тому, что сербскій литературный языкъ раздѣлится на нѣсколько отгнѣковъ со своеобразнымъ письмомъ, смотря по мѣстностямъ. Внутри самой Сербіи имѣется нѣ-

сколько отличныхъ другъ отъ друга говоровъ; Боснія, Герцеговина, Черногорія, Далмація, Старая Сербія — каждая изъ этихъ областей имѣетъ право претендовать на сохраненіе своихъ фонетическихъ особенностей въ самомъ правописаніи. Извѣстно, какую долгую и трудную борьбу пришлось выдержать реформѣ Вука Караджича. Лишь въ 1868 году она упрочилась въ Сербскомъ княжествѣ.

Поэтъ и ученый, съ которымъ я намѣренъ познакомить читателей, епископъ Лукіанъ Мушицкій, не принадлежалъ ни къ числу враговъ, ни къ числу защитниковъ Вуковой реформы. Онъ былъ на сторонѣ тѣхъ писателей, которые признавали нужду въ привнесеніи элементовъ живаго народнаго языка въ книгу, но требовали извѣстной постепенности и сами охотно писали на языкѣ „сербо-русско-славянскомъ“.

Лукіанъ Мушицкій родился въ селѣ Темеринѣ, въ Бачкѣ (Австрія) 27-го января 1777 года. Отецъ его назывался Георгій, а мать—Анна; ему было дано при крещеніи имя Луки, имя же Лукіанъ — монашеское. Его отецъ Георгій въ своемъ дѣтствѣ предназначался родителями для служенія церкви. Въ то время въ сербскихъ православныхъ земляхъ, особенно у Сербовъ въ Австріи, господствовалъ обычай одного изъ сыновей напередъ предназначать для поступленія въ духовный санъ. Обыкновенно предназначеннаго для этой цѣли отдавали въ училища, старались приготовить къ священству, и онъ или поступалъ въ монастырь, или поставлялся во священники часто именно въ то село, откуда былъ родомъ. Родители отдали Георгія Мушицкаго, отца сербскаго писателя, въ школу въ Новомъ Садѣ, гдѣ онъ и учился въ 1762 и 1763 гг. у архимандрита Раича, бывшаго тогда еще свѣтскимъ человѣкомъ и прославившагося впоследствии своею книгой: „Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ“. Но планъ сдѣлать изъ Георгія священника не удался, и онъ вскорѣ вернулся въ родное село Темеринъ. Такимъ образомъ Лука Мушицкій, сынъ этого Георгія, родился въ семьѣ уже до извѣстной степени просвѣщенной по тому времени.

Отецъ поэта, зная цѣну образованія и науки, считалъ долгомъ дать сыну доступное для его средствъ образованіе. Съ этою цѣлью онъ сначала посылалъ его въ народную школу въ Темеринѣ, въ которой нѣкто Павелъ Миленковичъ былъ учителемъ славянскаго языка.

Въ то время учили въ школахъ грамматикѣ славяно-русскаго языка съ различными видоизмѣненіями, которыя претерпѣлъ нашъ

церковно-славянскій языкъ въ сербской литературѣ, тогда насчитывавшей лишь нѣсколько десятковъ книгъ. Сербскій же языкъ въ школахъ совершенно не преподавался, ибо его считали неудобнымъ для литературы, — нелитературнымъ нарѣчіемъ. Изъ Темерина Лука былъ переведенъ своими родителями въ нѣмецкую школу въ Тителъ. Въ этомъ городѣ жила его родная тетка, сестра его отца, бывшая замужемъ за учителемъ Саввою Поповичемъ. Тутъ Лука въ два года окончилъ курсъ высшей нѣмецкой школы, изъ которой вынесъ хорошее знаніе нѣмецкаго языка. Вскорѣ Савва Поповичъ получилъ мѣсто приходскаго священника въ Новомъ Садѣ, куда и перѣхалъ изъ Тителя, взявъ съ собою и своего племянника.

Начало новаго образованія у Сербовъ принадлежитъ русскимъ учителямъ, которые въ первой половинѣ XVIII в. дѣйствовали въ только что основанныхъ тогда сербскихъ школахъ. Митрополитъ Моисей Петровичъ, который жилъ въ Бѣлградѣ послѣ присоединенія нынѣшняго княжества Сербіи къ Австріи по Пожаревацкому миру 1718 года, вызвалъ изъ Россіи учителей для школы, основанной имъ при митрополичьемъ домѣ. Первымъ учителемъ и устройтелемъ ея былъ Максимъ Суваровъ; онъ привезъ съ собою 400 букварей и 100 экземпляровъ славянской грамматики Мелетія Смотрицкаго. Іованъ Райчъ учился читать по одному изъ этихъ букварей. Такъ какъ митрополитъ Моисей Петровичъ былъ избранъ на кафедру митрополичью въ 1726, а умеръ въ 1730 г., то къ этому времени слѣдуетъ отнести и дѣятельность Суварова въ Бѣлградскомъ училищѣ. Преемникомъ Моисея по митрополичьей кафедрѣ былъ Викентій Іоанновичъ. Онъ продолжалъ заботиться о школахъ. Перенесши свою митрополию въ Карповцы, онъ основалъ тамъ въ 1733 г. „велику школу“, въ которой науки преподавались на латинскомъ языкѣ. Ректоромъ этого новаго сербскаго училища былъ Эммануилъ Козачинскій, а между преподавателями — Иванъ Минацкій, оба Русскіе изъ Кіева, воспитанники Кіевской духовной коллегии. Когда патріархъ Арсеній Шакабента упичтожилъ латинское училище и огра ничилъ преподаваніе однимъ славянскимъ языкомъ въ Карловацкой школѣ, то Эммануилъ Козачинскій переселился въ Новый Садъ, гдѣ епископъ епархіи Бачской Виссаріонъ Павловичъ основалъ „духовную коллегію“, которая и существовала съ 1740 по 1750 г. Устройство ея и первымъ преподавателемъ былъ тотъ же Эммануилъ Козачинскій, который былъ директоромъ великой школы въ Карловцахъ. Съ этихъ поръ въ Новомъ

Садѣ постоянно находилась школа, хотя она одно время и принуждена была закрыться по недостатку средствъ ¹⁾).

Въ ту пору когда Мушицкій поступилъ ученикомъ въ Ново-Садскую школу, она была хорошо обставлена, но преподаваніе въ ней обнимало лишь курсъ неполной гимназіи, такъ что онъ для окончанія ученія долженъ былъ переѣхать въ Сегединъ. Въ Новомъ Садѣ Мушицкій хорошо ознакомился съ латинскимъ языкомъ, а въ Сегединѣ изучилъ и мадьярскій. Даровитый и любознательный юноша не удовлетворился пріобрѣтеннымъ имъ знаніемъ: онъ отправился въ Пештъ, гдѣ поступилъ въ университетъ. Между профессорами этого университета былъ въ то время знаменитый Шедіусъ, читавшій лекціи эстетики. Онъ имѣлъ большое вліяніе на Мушицкаго, который съ особенною ревностью занялся чтеніемъ произведеній знаменитѣйшихъ писателей римской и греческой литературы. Онъ самъ упоминаетъ о Шедіусѣ въ своей славяно-сербской одѣ Шафаріку, написанной въ 1820 г. ²⁾).

Произведенія Горация были его любимѣйшимъ чтеніемъ, особенно „De arte poetica“, которое онъ зналъ наизусть. Гораций оказалъ вліяніе на всѣ произведенія Мушицкаго, но болѣе формою, нежели содержаніемъ. Еще студентомъ въ Пештѣ онъ основательно изучилъ французскій и италіанскій языки и нашелъ время хорошо ознакомиться съ французскими писателями псевдо-классической школы.

Но молодого человѣка постигло несчастіе: у него умеръ отецъ, и онъ былъ принужденъ пріискивать средства для жизни: Митрополитъ Стратимировичъ, по рекомендаціи Раича, поддерживалъ его въ эту трудную пору его жизни.

Окончивъ курсъ философіи и юридическихъ наукъ въ Пенитскомъ университетѣ, Мушицкій въ 1880 году переѣхалъ въ Карловци, гдѣ и поступилъ на службу въ митрополичью канцелярію. Въ то же время онъ сдѣлался учителемъ Карловацкой гимназіи, гдѣ препода-

¹⁾ Сербске школе у XVIII веку, статья *Вукичевича* въ брошюрѣ: *Први извештай о явномъ учительско-приправничкомъ заводу сербскомъ*. У Сомбору. 1863.

²⁾ *Лукиана Мушицкаго* Стихотворенія. Кн. II, стр. 95:

Мой аще Варвѣтѣ днесъ ушеса тебѣ
Трогаеть сладцѣ, дѣвется духу милгъ,
Сіе даде миѣ святъ источникъ,
Коего Шедіусъ миѣ отверзе.

³⁾ Живонис Лукијана Мушицкаго, написано Dr. Ђорђе Мушички. У Новомъ Саду 1879.

валъ славяно-сербскую грамматику въ двухъ классахъ: „гуманистамъ“ и „синтаксистамъ“.

Намѣреваясь поступить въ монахи, Мушицкій сталъ готовиться къ постриженію, но вскорѣ, недовольный отношеніями къ нему митрополита, собрался уѣхать въ Россію вмѣстѣ съ Аванасіемъ Стойковичемъ, который былъ впоследствии профессоромъ Харьковскаго университета. Но его родные и митрополитъ Стратемировичъ сильно воспротивились этому намѣренію. Въ ноябрѣ 1802 года Лука былъ посланъ митрополитомъ въ одинъ изъ Фрушегорскихъ монастырей, Гергемегъ, и тамъ 30-го ноября былъ постриженъ архимандритомъ Іосифомъ Путникомъ, бывшимъ впоследствии епископомъ въ Темешварѣ, при чемъ получилъ имя Лукіана. Это имя было избрано имъ противъ воли митрополита Стратимировича, желавшаго наименовать его Ликогеномъ. Племянникъ поэта, г. Георгій Мушицкій, написавшій его біографію, разсказываетъ, что имя нравилось ему потому, что онъ увлекался въ это время чтеніемъ Лукіана Самосатскаго. Самъ поэтъ упоминаетъ объ этомъ въ XVI-й одѣ I-го тома своихъ сочиненій, которыя были изданы послѣ его смерти; ода носитъ заглавіе: Мое тезоименитство 15-го октября 1816 года.

Ты ми га (то-есть, имя Лукіанъ) даде, вселюбленный
Путниче воли по мојой,
Да именаякъ съ нѣмъ самозатпу
Будемъ, ког' писанія красна у руку я держа
Каждъ съ ризомъ свую (снялъ) старо име ¹⁾.

Въ примѣчаніи къ этой одѣ издатель приводитъ слѣдующую выдержку изъ письма поэта: „мнѣ хотѣли дать имя Ликогенъ (Волко-розный) противъ моей воли, но я дерзновеннымъ и постояннымъ отрѣшеніемъ“ задержалъ себѣ имя Лукіанъ“.

Въ 1803 году Лукіанъ Мушицкій былъ посвященъ въ протодіаконъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ профессоромъ семинаріи, въ которой преподавалъ славянскій языкъ по грамматикѣ, составленной имъ самимъ, а вскорѣ затѣмъ и церковную исторію. По свидѣтельству его ученика, владыки Платона Атанацковича, Мушицкій имѣлъ необыкновенный успѣхъ. На его уроки собирались ученики не только семинаріи, но и Карловацкой гимназіи, въ которой онъ былъ преподавателемъ до своего монашества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лукіанъ Мушиц-

¹⁾ Лукіана Мушицкаго Стихотворенія. У Пешти. 1838, кнѣга прва, стр. 42.

²⁾ Ibidem, стр. 166.

кій исполнялъ должности секретаря консисторіи и бібліотекаря митрополичьей бібліотеки. Не смотря на столько разнообразныхъ обязанностей, Мушицкій находилъ время для научныхъ занятій. Онъ сталъ въ это время изучать греческій и англійскій языки. Въ 1807 г. сдѣланъ былъ онъ синкеломъ, а осенью 1809 г. протосинкеломъ Карловацкой митрополіи. Свободное отъ служебныхъ занятій время Лукіанъ Мушицкій сталъ употреблять на изученіе языковъ, по преимуществу восточныхъ. Такъ, въ 1808 г. онъ началъ изучать еврейскій языкъ, съ которымъ скоро познакомился такъ хорошо, что, по свидѣтельству его біографа, вскорѣ читалъ свободно Библію въ подлинникѣ и переводилъ псалмы съ оригинала ¹⁾. Въ февралѣ 1810 г. онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что изучаетъ арабскій языкъ, а въ маѣ того же года говорить: „познахъ племена юрека, прочтохъ же о чтеніи и начахъ чести“.

Но въ то же время Мушицкій изучалъ и сербскую литературу. Подъ 3-мъ марта 1810 г. въ его дневникѣ сказано, что онъ показывалъ митрополиту Стратимировичу „Осмотрѣніе Сербскаго княжества“. Это было начало его труда, до сихъ поръ не напечатаннаго и извѣстнаго подъ именемъ: „Библіографія србска или собраніе и познаніе свію србски кнѣига, досадъ (то-есть, 1821 г.) изданы, и по системи кнѣижества расположены“. Ученый и талантливый профессоръ семинаріи обратилъ вниманіе на существенный недостатокъ въ программѣ этой школы, на отсутствіе греческаго языка. Онъ просилъ разрѣшенія у митрополита начать преподаваніе этого языка, знаніе котораго столь необходимо для образованнаго священника православной церкви; сначала митрополитъ одобрилъ намѣреніе Мушицкаго, но когда въ 1812 г. талантливый профессоръ рѣшился приступить къ дѣлу, его товарищи, другіе наставники, изъ зависти разогнали учениковъ: нужна была защита со стороны людей, власть имѣющихъ, и Мушицкій обратился съ жалобою къ митрополиту. Но Стратимировичъ былъ человекъ ревнивый къ чужой славѣ и не понималъ стремленій Мушицкаго. На просьбы Лукіана онъ отвѣчалъ: „Къ чему преподавать греческій языкъ?“ Когда Мушицкій напомнилъ ему о прежнемъ его разрѣшеніи, митрополитъ сказалъ „Ну, что же? и тогда обѣщалъ, а теперь беру свое слово назадъ: если не препода-

¹⁾ *Летопис Матице српске*, т. 120, 1879 г. статья: Лукіанъ Мушицки, од ђонѢ Рајковића, стр. 107.

вался греческій языкъ до твоего назначенія сюда, не для чего преподавать его и теперь". Такимъ образомъ намѣреніе Лукіана Мушицкаго поднять уровень образованія православнаго сербскаго духовенства въ Австріи и ввести въ семинарію столь нужный (для этого духовенства греческій языкъ встрѣтило непреодолимыя затрудненія¹⁾):

Въ своемъ дневникѣ Мушицкій отзывается о времени, проведенномъ имъ въ митрополіи, съ большой горечью. Его научныя стремленія, его планы встрѣчались или насмѣшливымъ отзывомъ: „все это фантазія“, или просто осуждались. Въ то время, когда любимцы митрополита безъ всякихъ заслугъ получали въ управленіе монастыри и становились архимандритами, Лукіанъ провелъ десять лѣтъ при митрополіи, исполняя разныя второстепенныя должности, и лишь въ 1812 году былъ поставленъ архимандритомъ и игуменомъ одного изъ бѣднѣйшихъ Фрушкогорскихъ монастырей, Шишатовца. Предъ этимъ удалось ему исполнить свое давнишнее желаніе—посѣтить всѣ важнѣйшіе монастыри Славоніи и Баната „ради испытанія книжныхъ древностей сербскихъ“. Это путешествіе принесло большіе плоды: онъ собралъ много старо-печатныхъ изданій, которыя вмѣстѣ съ его бібліотекой и собраніемъ монетъ, послѣ его смерти, перешли въ бѣлградское ученое дружество.

Вступивъ въ управленіе Шишатовцацкимъ монастыремъ, Лукіанъ Мушицкій занялся устройствомъ и передѣлкой монастырскихъ зданій, которыя были чрезвычайно запущены. Но для этого нужны были средства, а на монастырѣ лежалъ уже долгъ. Лукіанъ сдѣлалъ нѣсколько займовъ и въ теченіе восьми лѣтъ возобновилъ, перестроилъ и привелъ въ порядокъ вѣранный ему монастырь. Но эта дѣятельность его породила завистниковъ; его обвиняли въ расточительности. Вина же его заключалась лишь въ томъ, что онъ не походилъ на остальныхъ настоятелей фрушкогорскихъ монастырей. Одаренный поэтическимъ духомъ, ученый по призванію, онъ не могъ и не умѣлъ жить въ полномъ отшельничествѣ, не отзываться на всѣ нужды народныхъ, прервать всѣ связи съ учеными и патріотами своего племени.

Когда въ 1813 году Сербія вновь подпала подъ власть Турокъ и Кара-Георгій покинулъ страну, только что освобожденную геройствомъ его и его товарищей, въ Сербіи начались страшныя казни и множество несчастнаго народа бѣжало чрезъ Саву и Дунай въ австрійскіе

¹⁾ *Льтон. Мат. Српске*, 120., стр. 108.

предѣлы. Мушицкій не только посылалъ хлѣбъ голодному люду, искавшему спасенія у своихъ соплеменниковъ, но лично отправлялся къ перебѣжавшимъ и дѣлилъ между ними хлѣбъ. Нѣкоторыхъ онъ даже содержалъ на свой счетъ,—такъ, напримѣръ отца Вука Караджича, бѣжавшаго въ Карловцы, а самому Вуку давалъ ежегодную субсидію ¹⁾. Когда въ 1815 году былъ голодъ въ Хорватіи и толпы Хорватовъ нищенствовали въ Славоніи, Ванатѣ и Вачкѣ, Мушицкій не разъ оказывалъ помощь этимъ несчастнымъ. Все это, конечно, ложилось тяжестью на монастырскій бюджетъ, но разумный игуменъ понималъ, что только такимъ образомъ монастырь исполняетъ свои обязанности относительно мірянъ.

Мушицкій дѣятельно поддерживалъ связи съ учеными и писателями. Такъ его посѣщали въ Шишатовцѣ Дмитрій Давидовичъ, Соларичъ, Магарашевичъ, знаменитый Павелъ Шафарикъ, тогда лишь начавшій свою дѣятельность, Вукъ Караджичъ, извѣстный русскій ученый П. И. Кеппенъ и т. д. Вукъ жилъ подолгу въ монастырѣ, однажды цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ сразу, но митрополитъ приказалъ ему выѣхать на томъ основаніи, что монастырскія правила запрещаютъ мірскому человѣку жить въ монастырѣ.

Изъ стихотворнаго посланія къ Конитару и Стефановичу, помѣченнаго 17-мъ ноября 1817 года, видно, въ какомъ трудномъ положеніи находился Мушицкій въ монастырѣ. „Что станемъ, моя муза, дѣлать съ пріятелями, которыхъ имѣемъ въ Вѣнѣ, съ Конитаромъ и Вукомъ?“ такъ начинается оно. „Пиши намъ, пиши“. Я отвѣчаю: съ будущей почтою буду писать. „Кто этого когда-нибудь дождется?“ Ради Зевса, ступай, скажи имъ, что дѣлаю: они вѣдь я не догадываются о моихъ затрудненіяхъ. Они думаютъ, что въ прекрасномъ Шишатовцѣ царствуетъ сабинское спокойствіе. Но вотъ прошло пять лѣтъ, какъ я забочусь о немъ, какъ о сербской задужбинѣ; я имѣлъ намѣреніе его устроить такъ, чтобы въ немъ удобнѣе поселились музы. Побѣдилъ я тысячу препятствій, тысяча новыхъ родилась. Живо изобрази имъ, муза, черную тучу надъ Цариномъ, Плантомъ и надъ Капетановцемъ ²⁾; тамъ уже готовъ громовый огонь. Гдѣ рука, которая готова была бы магнитомъ отвести громъ отъ монастыря, отогнать погибель отъ сербской лиры? Скажи пріятелямъ, что я буду имъ писать много, лишь бы только вернулась свобода духа. Лебедь

¹⁾ *Литов. Мат. Српске*, 120, стр. 115.

²⁾ Виноградникъ, принадлежавшій монастырю.

съ подсѣченными крыльями не полетить. А герой, рожденный для славныхъ дѣяній, но по волѣ судьбы павшій въ оковы, оплакиваетъ дни печальной своей жизни. Въ мирномъ морѣ стоятъ въ пристаяхъ нагруженные корабли, когда нѣтъ на нихъ парусовъ. И я въ грусти моей воздыхаю: найди мнѣ Мецената! Это—все, что мнѣ нужно. О, муза,—принеси отвѣтъ" ¹⁾).

Не смотря на всѣ интриги и затрудненія, энергическій архимандритъ, продолжалъ начатую имъ перестройку монастыря Шипатовца. Но эта настойчивость обошлась ему очень дорого: вскорѣ онъ былъ удаленъ подъ тѣмъ предлогомъ, что сдѣланный имъ долгъ возросъ до 7,560 гульденовъ. Мушицкій предлагалъ митрополиту и консисторіи выплатить этотъ долгъ изъ доходовъ монастыря, но его просьбы не были уважены и въ монастырь былъ посланъ простой монахъ Герасимъ Новаковичъ, на котораго была возложена обязанность вести монастырскую экономію. „Когда я могъ отдохнуть отъ труда, когда совершенно спокойно могъ я отдаться литературѣ, тогда у меня отняли управленіе и выдали свидѣтельство: „не мудръ во экономіи“, пишетъ Мушицкій. Назначено было ему на содержаніе около 25 гульденовъ въ годъ. Въ какомъ бѣдственномъ положеніи находился онъ, видно изъ его письма къ епископу Путнику отъ 13-го декабря 1822 года. „Наста Декемврій, азъ же въ лѣтней доламѣ, юже за узаймленныя отъ пріятелей новцы (деньги) купихъ, пребываю" ²⁾. Положеніе его было столь печально, что Мушицкій задумалъ уйдти въ Черногорію, но ему не былъ выданъ паспортъ, и онъ принужденъ былъ остаться въ монастырѣ и терпѣть недостатокъ во всемъ. Тогда онъ задумалъ отправиться въ Вѣну и тамъ начать изданіе журнала „Сербскій Вѣстникъ“. Съ этою цѣлью онъ писалъ епископу Путнику, чтобы тотъ попросилъ для него у богатаго помѣщика Петра Текелія, который нѣкогда учился у Мушицкаго, 2000 гульденовъ въ заемъ, на которые онъ предполагалъ издать двѣ книги своихъ одъ и начать Сербскій Вѣстникъ. На эту просьбу Мушицкаго не послѣдовало никакого отвѣта.

Однако, поэтъ не упалъ духомъ: занятія поэзіей поддерживали его. Такъ онъ въ одномъ мѣстѣ утѣшаетъ себя слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Собр. сочин. Лук. Мушицкаго, т. I, стр. 73.

²⁾ Лютон. Мат. Српск., кн. 120, стр. 112.

Осмь лѣтъ въ Шинатовцѣ трудился, ннѣ честь пожаляется!
 Сиде вы не вамъ творите возмѣздїя птицы;
 Сяде вы не вамъ богатѣете волною овцы;
 Сиде вы не вамъ носите, о волове, плуги;
 Сиде вы не вамъ соть медомъ полните, пчелы! ¹⁾.

Вукъ Караджичъ писалъ Мушицкому, что онъ можетъ отомстить врагамъ и прославить себя, если ревностно займется литературою и наукою. „Дайте славянскую грамматику, дайте сербскую литературу (то-есть, исторію литературы), дайте ваши стихотворенія: вотъ и все!“, восклицаетъ Вукъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но средствъ у Мушицкаго не было, не встрѣчалось и „Мецената“, который оказалъ бы ему хоть малѣйшую помощь.

Между стихотвореніями, относящимися къ этому печальному времени въ его жизни, находится одно, весьма характеристичное. Оно написано на „славянскомъ“ языкѣ, и потому приведу его цѣликомъ:

Помни, о Лукіане, вередѣ злобѣ, пакостей звѣрскихъ,
 Въ кружѣ ихъ что б' творилъ Сенека, что б' Епиктитъ.
 Безднмъ нещаст'я еще не бойся: бесплотный та движеть!
 Плащемъ покрывся заслугъ, умъ къ бесмертнымъ вперн!
 Отрѣлы враговъ затупятся, падуть неправедны мншцы;
 Ихъ умолкнетъ языкъ: ты же останешн тойж'.
 Злобою тако врази нападаху на Рача ²⁾ крѣпка;
 Онъ же въ славѣ живеть, тма же враги поглоти.
 Храбро Иракла враговъ лють полкъ на небо воздвнже!
 Люто гонимымъ адѣ низъ краснымъ примѣромъ есть онъ.
 Се судба тебѣ обврже ³⁾ на легкій задатокъ ⁴⁾:
 Славы въверхъ возлетѣтъ, вѣчну нл' части во тму!
 Тоже едно есть: днесъ жнть съ народомъ, таж' вѣчно,
 Нл' умрети уж' днесъ, таж' нп но смерти съ нимъ бытъ!
 Горести чашу, за нуже не зналъ еси, поднесе сонмъ!
 Твердъ ю исинлъ еси. Жнвъ оставъ, поживеш'
 День нп едннъ не забуд' себе въ нещастїи днешнмъ
 Въ ннгъ забывъ себе, плывущїй, уж' поглощенъ!
 Бывъ нещастнвъ на пути ко славѣ, сынова мужайся!
 Намѣрен'ю ли что крѣпку отъяся когда?

¹⁾ *Георгій Мушицкій*, Живописъ Лукіана Мушицког. У Новоме Сауд. 1879 г., стр. 8.

²⁾ Знаменитый историкъ сербскїй Іоаннъ Рачъ (1726—1801 г.) былъ архимандритомъ и настоятелемъ въ монастырѣ Ковылѣ и вслѣдствіе различныхъ интригъ долженъ былъ отказаться отъ настоятельства. (См. Памятникъ мужемъ у Славено-Сербскомъ княжеству славнымъ. *Дазаръ Бомчъ*. 1815 г., стр. 8).

³⁾ Тебѣ назначила.

⁴⁾ Задачу.

Есть во твоей души величїе, въ дусѣ ти храбрость.
 Правны приступенъ тебѣ верхъ красоты, высоты!
 Коего Бози хотятъ возвысити, мещуть предъ носѣ
 Тму препятствїй сему. Ту побѣдая растеть
 Славы храмъ изъ препонъ воздвижеса. Силы, сдружившес',
 Тѣла, души, изъ препонъ степенн дѣють къ нему ¹⁾.

Къ этому времени относится извѣстное стихотвореніе Лукіана— „Гласъ арфы Шитатовачке“, которое онъ написалъ на сербскомъ и славянскомъ языкахъ. „Гласъ арфы“ обращенъ къ молодому поколѣнію Сербовъ, это „пѣснь лиро-дѣдактическая“, „даръ на ново лѣто народной сербской юности“. Въ ней авторъ обращается къ молодежи съ поученіями, въ которыхъ обрисовывается достаточно ярко его нравственный образъ.

Поэтъ желаетъ посвятить въ душѣ молодого поколѣнія „чистая сѣмена добра, красоты и истины“. „Геній народа“, указываетъ ему, какимъ путемъ можно достигнуть этой цѣли.

Прежде всего молодое поколѣніе должно изучать свой собственный народъ и соблюдать завітъ отцовъ, а именно языкъ и вѣру. „Новизна безъ старыхъ основъ—вредна“. Въ примѣрѣ того, какъ нужно заботиться о развитіи своей литературы, Мушицкїй указываетъ на „согражданъ царства“, то-есть на народы, населяющіе Австрію. Далѣе, выставляетъ онъ значеніе просвѣщенія, которое даетъ народу нравственную мощь, и совѣтуетъ всякому избирать себѣ опредѣленную цѣль, щадить силы тѣлесныя, „ибо взаимной помощью умъ и тѣло всегда получали вѣнецъ славы“ и слѣдовать правилу Эпиктета: претерпи, воздержись. Въ исполненіи намѣреній, ясно обдуманнхъ, слѣдуетъ быть энергичнымъ и настойчивымъ. Предъ препятствїями на пути къ исполненію благихъ и полезныхъ предначертаній, не нужно отступать: „борьбою создается мужъ“. слѣдуетъ прежде всего побѣдить „враговъ внутреннихъ“, то-есть различные личные недостатки: должно подчинить волю разуму, мечтамъ положить предѣлъ, ограничить желанія, имѣть чистую совѣсть. „Научись рано предпочитать обязанности своего званія прїятнымъ своимъ склонностямъ; научись переносить горькую судьбу, лишаться всего, когда требуетъ

¹⁾ Ода напечатана церковно-славянскимъ шрифтомъ, согласно рукописи Мушицкаго, съ обозначеніемъ удареній, паерковъ и надстрочныхъ знаковъ. Она можетъ заглавіе: (Уда ко мнѣ самому 3 ноемвриа 1821. «Тешко мени безъ мене» — эпиграфъ къ одѣ. Собр. соч. Мушицкаго, ч. II, стр. 135.

этого добродѣтель. Воплъ сербскаго народа противъ злобы, зависти, несогласія достигаетъ уже звѣздъ. Облекись, народъ, въ новія ризы доброты и Божьяго свѣта. На тебя, молодое сербское поколѣніе, глядитъ цѣлый міръ! Отъ тебя ждетъ подвиговъ тихая тѣнь Немани“.

Эта ода произвела въ то время сильное впечатлѣніе на сербское юношество и нашла отзывъ среди начинающихъ писателей. Іованъ Хаджичъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Милона Свѣтча, отвѣтилъ стихами подъ заглавіемъ: „Одвѣвъ младаго србскогъ духа“, которые были напечатаны въ томъ же „Додатку Новина Србскихъ“, выходящихъ въ Вѣнѣ, гдѣ появился и „Гласъ“ Мушицкаго. Хаджичъ былъ тогда еще студентомъ юридическаго факультета въ Вѣнѣ. Но кромѣ него, отозвались и другіе, напримѣръ, Непадъ Ребичъ (Петръ Матичъ), Деличъ ¹⁾.

Подобныя дидаггическія оды, написанныя языкомъ оригинальнымъ, были новинкою въ сербской литературѣ, и Мушицкій снискалъ большую популярность ²⁾. Литературная слава его и была одною изъ главныхъ причинъ, что въ апрѣлѣ 1823 г. ему было возвращено управленіе монастыремъ, а осенью того же года онъ былъ назначенъ администраторомъ верхне-арновацкой или хорватской епархіи.

Мушицкій теперь поселился въ Плашкомъ. Онъ нашелъ православную епархію въ крайне печальномъ положеніи. Образование духовенства было совершенно запущено, школъ не было. Священники находились подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ римско-католическаго духовенства, что не могли и не умѣли дать никакого отпора окатоличенію Сербовъ. Одинъ изъ современниковъ Мушицкаго пишетъ, что протоіерей, подавая свои отчеты въ консисторію, писали ихъ латинцею, называя кириллицу „власкимъ письмомъ“, то-есть, католическою азбукою ³⁾.

Во всей епархіи не было ни одного сербскаго православнаго училища: дѣти ходили въ вѣмецкія народныя школы, гдѣ преподаваніе шло на вѣмецкомъ языкѣ, посѣщали католическія церкви, причащались у католическихъ священниковъ крестились по католически. Ла-

¹⁾ Дала Іована Хаджича. У Новомъ Саду. 1855. Кн. 1, стр. 154.

²⁾ Въ это же трудное для Мушицкаго время, онъ написалъ оду Милошу Обреновичу, Сербскому князю, съ просьбою о помощи, но неизвѣстно, была ли она передана по адресу и была ли оказана ему какая нибудь помощь княземъ. (См. I т. Собр. соч., стр. 122).

³⁾ По свидѣтельству Іована Гавриловича. *Лѣт. Мат. Сръск.* 120, стр. 117.

тинская пропаганда такъ распространила свое вліяніе, что казалось невозможнымъ оказать ей какое нибудь противоудѣйствіе.

Первымъ дѣломъ энергичнаго администратора было позаботиться о томъ, чтобы сербскіи дѣти учились закону Божию у сербскихъ священниковъ. Такъ какъ народныя училища были всѣ нѣмецкія, и лишь въ Загребѣ, Верхнемъ Карловцѣ, Рѣкѣ и Триестѣ находились и сербскія школы, то изъ своихъ средствъ онъ основалъ въ Плашкомѣ центральную школу, въ которую принималъ изъ всякой нѣмецкой школы по два лучшихъ сербскихъ ученика, содержалъ ихъ, назначилъ двухъ для нихъ учителей, которые были обязаны учить ихъ сербскому чтенію, письму и пѣнію въ церкви. Самъ же онъ заботился о томъ, чтобы возбудить въ этихъ дѣтяхъ духъ патриотизма и поддержать въ нихъ народное самосознаніе. Военныя власти, управлявшія тогда изъ Загреба областями, помогали Мушицкому въ его начинаніяхъ. Въ 1824 году онъ учредилъ семинарію, въ которой готовились бы будущіе священники, и это училище содержалъ на счетъ доходовъ своей епископской кафедрѣ.

Уже въ самомъ началѣ своей патриотической дѣятельности Мушицкій нажилъ себѣ враговъ и завистниковъ, которые свѣдѣли довести на него австрійскому правительству. Между прочимъ они обвиняли его въ томъ, что онъ симпатизируетъ Сербіи и Россіи, что въ Австріи считалось равносильнымъ измѣнѣ. Самъ митрополитъ Стефанъ Стратимировичъ старался представить его въ дурномъ свѣтѣ. Но добрая слава Мушицкаго побѣдила всѣ интриги его противниковъ и онъ былъ назначенъ епископомъ въ 1827 году въ Верхне-Карловацкой епархіи. Послѣ этого митрополиту осталось только подчиниться рѣшенію императора Франца и хиротонисать Лукіана, но онъ старался по возможности дольше оттянуть его посвященіе. Хиротонія совершилась не прежде 25-го апрѣля 1828 года, и Мушицкій наконецъ получилъ возможность вернуться въ свою епархію, которая почти въ теченіе года оставалась безъ его надзора.

Въ 1829 году Мушицкій, съ соизволенія императора, перенесъ свою кафедру изъ Плашкаго въ Верхній Карловацъ, а чрезъ годъ перевелъ сюда и семинарію. Теперь этотъ рассадникъ священства для Верхне-Карловацкой епархіи получалъ поддержку отъ сербскихъ общинъ Триеста и Карловца. Для приготовленія поступающихъ въ семинарію Лукіанъ основалъ въ Плашкомѣ школу въ 1831 году.

Сдѣлавшись епископомъ, Лукіанъ Мушицкій обратилъ особенное вниманіе на образованіе гибнущаго Сербскаго народа въ Хорватіи.

Употребляя большую часть своего содержания на поддержаніе сербскихъ школъ, поощряя общины и села къ основанію православныхъ училищъ, онъ положилъ неодолимыя преграды дѣятельности латинской пропаганды.

Въ новоучрежденныя сербскія школы учителями назначались по преимуществу ученики Карловацкой семинаріи, воспитанные подъ ближайшимъ вліаніемъ и надзоромъ Мушицкаго. Въ нихъ обучались дѣти сербскому чтенію и письму и церковному пѣнію. Въ своихъ патриотическихъ заботахъ, Мушицкій не находилъ никакой помощи ни у митрополита, ни у сербскихъ епископовъ. Однѣ сельскія общины, сознавая великую пользу его начинаній, отзывались съ готовностью на его воззванія и жертвовали необходимыя средства для школъ. Сверхъ того, Мушицкій былъ намѣренъ основать и гимназію въ какомъ-нибудь изъ городовъ, входящихъ въ кругъ его епархіи, и уже переписывался объ этомъ съ Копитаромъ; но и тутъ ему помѣшали митрополитъ и интриги его враговъ, которые старались представить правительству политическую неблагонадежность верховно-карловацкаго епископа. Часто встрѣчающіяся въ стихотвореніяхъ Мушицкаго имена: Сербъ, Сербія, казались тогдашнимъ властямъ признаками измѣны, и баронъ Влашичъ, хорватскій бавъ, говорилъ: „Чего хочетъ Мушицкій? Онъ думаетъ создать государство въ государствѣ... Въ Австріи нѣтъ Сербовъ! Сербы только въ Сербіи“¹⁾.

На Мушицкаго подана была жалоба правительству, которое передало ее на разсмотрѣніе митрополиту. Трусливый и завистливый къ его славі Сتراتимировичъ поспѣшилъ предисать ему, чтобы онъ въ официальныхъ бумагахъ не употреблялъ словъ: Сербинъ и Сербинъ.

Мушицкій отвѣтилъ на это патриотической одой, написанной въ день св. Саввы, архіепископа и покровителя сербскаго племени, подъ заглавіемъ: Жертвоприношеніе сербскомъ имену, въ которой онъ называетъ имя Сербъ — „святынею для Сербскаго народа“.

Въ то же время была и другая причина, почему дѣятельность его казалась подозрительною. Хорватскія власти и духовенство старались распространить унію среди сербскаго народонаселенія. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ для этого средствъ была, конечно, школа, и ловкіе пропагандисты разослали по всѣмъ сербскимъ шко-

¹⁾ Георгій Мушицкій, Жизнь Лукиана Мушицкаго, стр. 13.

ламъ букварь, въ которомъ былъ напечатанъ символъ вѣры со включеніемъ *filioque*. Узнавъ объ этомъ, Мушицкій тотчасъ предписалъ окружнымъ протоіереямъ отобрать всѣ такіе буквари, принимая на себя отвѣтственность предъ правительствомъ, которому не могло, конечно, понравиться подобное его распоряженіе ¹⁾).

Забывая о поднятіи уровня образованія въ духовенствѣ, Мушицкій устраивалъ при церквахъ библіотеки и задумывалъ даже основать духовный журналъ, въ которомъ хотѣлъ сообщать свѣдѣнія по исторіи церкви и разнообразныя изслѣдованія, имѣющія отношеніе къ Верхнекарловацкой епархіи.

Неутомимая дѣятельность и постоянная борьба истомили Мушицкаго: въ началѣ 1837 года онъ заболѣлъ, а 15-го марта того же года его не стало.

Племяннику своему онъ приказалъ похоронить себя не въ церкви, гдѣ обыкновенно хоронятъ епископовъ, а на кладбищѣ общины Верхне-Карловацкой. „Хочу, чтобы кости мои лежали среди моего народа; хочу, чтобы солнце сіяло надъ моимъ гробомъ и зеленая трава росла на немъ“, говорилъ онъ. Благодарные Сербы воздвигли надъ его могилой мраморный памятникъ въ формѣ пирамиды съ слѣдующею надписью: „Звукомъ своей арфы онъ будилъ и училъ Сербовъ любить свой народъ; а народъ воздвигаетъ памятникъ вѣчной славы своему учителю патриотизма“.

II.

Епископъ Лукіанъ Мушицкій принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ Сербовъ начала текущаго столѣтія. Заря политическаго возрожденія Сербскаго племени сопровождалась, между прочимъ, попытками установить оригинальный типъ сербскаго литературнаго языка. Почти всѣ сербскіе писатели того времени занимались изученіемъ его и принимали участіе въ спорѣ о сербской орфографіи и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя сдѣлалъ въ ней Вукъ Караджичъ.

Какъ адмиралъ Шишковъ видѣлъ въ языкѣ Карамзина литературную ересь, новизну, которая приноситъ вредъ развитію русской литературы, такъ точно, но съ бѣльшимъ основаніемъ, многіе возставали противъ нововведенія Вука. Славяно-сербскій языкъ тѣсно связалъ сербскую литературу съ русской, давая ей опору и укрѣпляя

¹⁾ *Лит. Мат. Сербск.*, кн. 120, стр. 125.

ея основанія, — и потому весьма естественны были опасенія противниковъ Вуковой реформы, которые, къ сожалѣнію, были лишь осмѣяны въ позднѣйшей сербской литературѣ.

Лукианъ Мушицкій стоялъ, можно сказать, на серединѣ между двумя лагерями; его произведенія по своему языку распадаются на два отдѣла, а именно на писанныя а) языкомъ славяно-русско-сербскимъ, и б) языкомъ сербскимъ, который однако не былъ тождественъ съ языкомъ, вошедшимъ въ употребленіе со времени Вука.

Связи Мушицкаго съ учеными и писателями того времени показываютъ, что онъ умѣлъ стоять на высотѣ чисто-научныхъ тенденцій и рѣшительно уклонился отъ страстной политической борьбы, которая возгорѣлась между сторонниками и противниками реформы Караджича.

Пріятельскія связи Мушицкаго съ Копитаромъ начались въ 1811 году. Копитаръ, желавшій слѣдить за литературными явленіями во всѣхъ славянскихъ земляхъ, обратился къ митрополиту Стратимировичу съ просьбой рекомендовать ему одного изъ ученыхъ Сербовъ, съ которыми онъ могъ бы завязать сношенія. Изъ указанныхъ ему двухъ лицъ онъ избралъ Мушицкаго. Съ тѣхъ поръ завязалась переписка между Копитаромъ и Мушицкимъ, которая, къ сожалѣнію, не издана до сихъ поръ. Когда въ 1811 г. появились оды Мушицкаго: „Сѣни Досоемъ Обрадовича“ и „Моему пріятелю Михаилу Витковичу“, Копитаръ сдѣлалъ о нихъ отзывъ въ *Wiener allgemeine Literaturzeitung* (1813 г.)¹⁾. Въ 1812 г. Вильгельмъ Гумбольдтъ, въ то время бывший представителемъ Пруссіи при Вѣнскомъ дворѣ, сталъ изучать славянскіе языки и обратился за помощью и указаніями къ Копитару; по просьбѣ сего послѣдняго, Мушицкій послалъ извлеченіе изъ составленной имъ „Сербской грамматики“, находящейся и нынѣ въ рукописи въ библиотекѣ ученаго друштва въ Вѣлградѣ, которое и было передано Гумбольдту. Черезъ посредство Копитара, Мушицкій имѣлъ литературныя связи и съ Добровскимъ, который въ то время задумывалъ продолжать изданіе своего „*Slavina*“. Для этого изданія Мушицкій доставлялъ выдержки изъ своей „Библиографіи сербской“, тоже не изданной до сихъ поръ.

Въ эту пору, какъ извѣстно, выработывалась у западныхъ Славянъ, пишущихъ латиницею, однообразная азбука. Мушицкій въ своихъ письмахъ къ Копитару и Добровскому предлагаетъ замѣнить нѣкото-

¹⁾ *Barth. Kopitars Kleinere Schriften. T. I, стр. 209.*

рые сложные знаки тогдашней славянской латиницы простыми взятыми изъ кириллицы, такъ напр. знакъ ч вмѣсто славонскаго сѣ, хорватскаго сѣ, чешскаго ѣ и краинскаго ѣз и т. д.

Сербской шта преимущество Азбуцы дае над Римском?
Земля, Живѣте, Цы, цы, Ёрвь, Ёрвь; с ѣнма а Ша Червь,

говорить онъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ ¹⁾.

Для образца орфографіи, предложенной Мушицкимъ, онъ напечаталъ ея свой переводъ австрійскаго гимна. Приведу для примѣра отрывокъ:

Воже Франца рожиѣ пам,
Франца, blaga vsjem Царја!
Dolgo v jasnom џast'ja blesuje
Цар да Франц пам роживет!
Po stezjam Jego vsjud' lavri
Česti da цvjetut v-vjence ²⁾.

Когда въ 1822 году вышли „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“ Добровскаго, при чемъ Копитаръ въ приложеніи вспомнилъ и объ услугахъ, оказанныхъ Мушицкимъ, поэтъ отозвался на это славянскою одою: „Его пречестности господину Юсифу Добровскому сочинившему славенскаго языка грамматику Памятникъ“. Въ этой одѣ выражаетъ онъ надежды на осуществленіе единства литературнаго языка всѣхъ Славянъ. „Тонокъ, высокъ языкъ Славянъ! О еслибы Богъ далъ, чтобъ онъ былъ единымъ для всѣхъ соплеменниковъ, чтобы они на немъ воспѣвали Творца, чтобы на немъ они соединили свой умъ. Онъ можетъ быть общимъ языкомъ для насъ. Ученый сонмъ Москвы, Варшавы, Кракова, Праги, Карловцевъ будетъ сообщать другъ другу свои мысли на немъ. Пятьдесятъ милліоновъ Славянъ воздвигнутъ этотъ столпъ своей славы. Ихъ научить вскорѣ воздвигнуть его твоя книга, старецъ священный! Пусть ищутъ Лейбницы общаго языка для всего рода человѣческаго, — Славяне имѣютъ его! Уже одно солнце нашей славы взошло!“ По мнѣнію поэта, „время все родитъ“, и единство литературнаго языка у Славянъ наканунѣ своего осуществленія. „Я вижу“, восклицаетъ Лукіанъ уже образовались общества, чтобы очистить путь къ этому единству... „Тевтонъ даетъ примѣръ. Между собою всѣ мы, Славяне, станемъ говорить своимъ словомъ. Прочь толмачи нашихъ мыслей!“ Славян-

¹⁾ Собр. сочин., т. IV, 12.

²⁾ Собр. сочин., т. IV, 206.

скій патриотъ не думалъ, что славянскія племена, стремищіяся къ обособленію, разойдутся въ своихъ литературныхъ языкахъ еще дальше, чѣмъ это было въ его время....

Но вотъ митрополитъ Стратимировичъ сталъ подозрѣвать Копитара, что онъ тайно защищаетъ и поддерживаетъ унию, о которой такъ хлопотало австрійское правительство, и потому запретилъ Мушницкому вести съ нимъ переписку.

Связи Мушницкаго съ П. И. Кеппеномъ, извѣстнымъ издателемъ Библиографическихъ листовъ, нашли выраженіе въ объявленіи „Хронологическомъ спискѣ первоначальнымъ славянскимъ книгамъ“ въ 1826 г. и въ Библиографическихъ листахъ. Мушницкій, прежде чѣмъ послатися въ Пишатовцѣ, объѣхалъ много сербскихъ монастырей, всюду собиралъ старопечатныя книги и составлялъ списки. Этотъ трудъ былъ продолжаемъ имъ и впоследствии и носитъ заглавіе: „Библиографія србска, или собраніе и познаніе свіу србски книга, досадъ изданы и по системѣ книжества расположены“. Онъ былъ оконченъ въ 1821 г. Библиографія Мушницкаго начинается Цетинскимъ Октоихомъ 1493 года; послѣ библиографическихъ изданій русскихъ ученыхъ и труда Новаковича „Библиографія србска“, въ которую внесены почти всѣ сербскія печатныя книги съ прошлаго столѣтія по 1866 годъ, а также пополненій послѣдняго труда, появившихся въ Лѣтописи сербской матицы, этотъ трудъ утратилъ свое значеніе и потому естественно остается въ рукописи въ библиотекѣ ученаго друштва въ Бѣлградѣ.

Особенно важны заслуги Мушницкаго по собиранію народныхъ сербскихъ пѣсенъ. Его постоянныя дружескія связи съ Вукомъ Караджичемъ, поддержка и помощь, которую оказывалъ онъ Вуку въ его предпріятіи, къ сожалѣнію, не нашли достойнаго отзыва въ изданіяхъ этого писателя. Въ книгѣ, изданной Вукомъ въ Вѣнѣ въ 1814, подъ заглавіемъ: „Масса простонародива славено-србска песнарица“; упоминается о томъ времени, когда въ 1805 году онъ перешелъ изъ Сербіи въ Карловцы. Уже тогда Лукіанъ Мушницкій предлагалъ своимъ ученикамъ, чтобы они записывали для него пѣсни. „Я“, говоритъ Вукъ, — „тогда зналъ много пѣсенъ, въ пять разъ больше и въ десять яснѣе, нежели теперь, но я думалъ, что онъ только насмѣхается надъ нами, ребятами, которые выросли въ глѣсу около свиней, ковъ и овецъ“.

Въ предисловіи къ первому тому сербскихъ народныхъ пѣсенъ

перваго изданія ¹⁾ Вукъ вспоминаеть о нѣкоемъ Тетанѣ Подруговичѣ, родомъ изъ Воеводинѣ или Герцеговины, со словъ котораго онъ записалъ много пѣсенъ и притомъ самыхъ лучшихъ. Въ предисловіи къ четвертому тому ихъ ²⁾ Вукъ разказываетъ, что онъ нашелъ этого Подруговича ³⁾ въ началѣ 1815 года въ Карловцахъ въ крайней бѣдности. Узнавъ, что онъ знаетъ много пѣсенъ, Караджичъ сталъ его привывать къ себѣ, слушалъ его, затѣмъ увезъ его въ Шишатовецъ, гдѣ въ то время онъ жилъ у Лукіана Мушицкаго, но тамъ ему не удалось долго пользоваться его услугами, такъ какъ Подруговичъ, при первыхъ слухахъ о новомъ восстаніи Сербовъ подъ предводительствомъ Милоша, поспѣшилъ въ бой съ Турками. Послѣ отбѣга его за Дунай, Вукъ Караджичъ, при содѣйствіи Лукіана Мушицкаго, нашелъ слѣпца Филиппа Вишничя, котораго содержалъ архимандритъ Лукіанъ нѣкоторое время въ Шишатовцѣ со спеціальною цѣлью для Вука. Со словъ Вишничя Караджичъ записалъ нѣсколько важныхъ и интересныхъ пѣсенъ, какъ онъ самъ говоритъ на стр. XI предисловія IV-го тома своего сборника (по изд. 1832 г.). Уже было выше сказано, что митрополитъ Стратимировичъ приказалъ Караджичу оставить Шишатовецъ и тѣмъ помѣшалъ продолженію его дѣятельности какъ собирателя сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Мушицкій однако и впослѣдствіи послалъ ихъ Караджичу въ Вѣну. Такъ Караджичъ ⁴⁾ говоритъ, что пѣсня: „Порадио Краљевиду Марко“ прислана ему Лукіаномъ. Сдѣлавшись епископомъ, Мушицкій циркулярно обратился къ священникамъ своей епархіи, чтобы они собирали народные пѣсни. Какъ подтверждаетъ печатно самъ Вукъ Караджичъ ⁵⁾ Мушицкій послалъ ему цѣлыя тетради народныхъ пѣсенъ. Сверхъ того, по свидѣтельству Гавриловича ⁶⁾, онъ передалъ Вуку и свое собраніе сербскихъ словъ, которое впослѣдствіи вошло въ его знаменитый „Речникъ“. Когда Гѣте захотѣлъ познакомиться съ сербскими народными пѣснями, Мушицкій,

¹⁾ У Лисенци 1824 г. стр. XXXIII.

²⁾ У Бечу 1843, стр. VIII и слѣд.

³⁾ Настоящая фамилія этого Подруговича была Гавриловичъ. Подруговичемъ онъ былъ названъ потому, что былъ высокаго роста, такъ что былъ *поль-друзго челоутка*.

⁴⁾ VI-й томъ пѣсенъ *Вука Караджича*, изд. 1833, стр. XXV.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. XXVI.

⁶⁾ *Лит. Мат. Сербск.*, кн. 120, стр. 137, прилож.

по просьбѣ Копитара и Караджича, перевелъ на нѣмецкій языкъ вторую книжку „Песмарице“ Вука.

Такимъ образомъ, можно сказать, что Мушицкій принималъ самое живое участіе въ дѣятельности Караджича, и что въ сущности Вукъ и Копитаръ должны раздѣлить съ нимъ славу собранія и изданія сербскихъ народныхъ пѣсенъ и сербскаго словаря.

Но какъ относился Мушицкій къ реформѣ, произведенной Караджичемъ въ сербскомъ литературномъ языкѣ и орфографіи? Въ его письмахъ и „Надписяхъ на сербско кнѣжество“, занимающихъ почти весь четвертый томъ, мы находимъ достаточный матеріалъ для разъясненія этого вопроса.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію мнѣній Мушицкаго о правописаніи Караджича, остановимся на воззрѣніяхъ его на литературный сербскій языкъ.

Мушицкій, жившій во времена Шафарика и Колара, когда пробудившаяся мысль о единствѣ Славянъ занимала всѣ лучшіе умы, съ особеннымъ пристрастіемъ относился къ языку церковно-славянскому. Мы уже изложили содержаніе оды Мушицкаго послѣ выхода въ свѣтъ *Institutiones linguae slavicae*. Въ ней Мушицкій говоритъ объ единомъ обще-славянскомъ языкѣ, какъ о фактѣ уже совершившемся, и эту роль приписываетъ старо-славянскому языку. Онъ прямо указываетъ, что

Сонмъ ученыхъ Москвы, Варшавы, Краковъ
Прага, Карловцевъ будутъ
Мысли имъ сообщатъ своя ¹⁾.

Считая возможнымъ, что языкъ церковныхъ книгъ въ своей старой формѣ сдѣлается посредникомъ между всѣми Славянами и получить характеръ общеславянскаго, Мушицкій тѣмъ болѣе придавалъ цѣну сербо-славянскому языку, употреблявшемуся въ сербской литературѣ. Въ примѣчаніяхъ своихъ къ той же одѣ Добровскому, онъ говоритъ: „Ожидати лѣтъ есть грамматики сербскаго языка обоего нарѣчїа: книжнаго и бесѣднаго“. Ясно, что Мушицкій различалъ два языка въ Сербскомъ племени: одно должно было служить спеціально для письменности, другое—для взаимныхъ сношеній Сербовъ между собою. Послѣднему, такимъ образомъ, назначена роль языка разговорнаго, но оно также употребляется и въ письменности

¹⁾ Собр. сочин., т. II, 146.

и образуетъ „книжество сербско“. Въ одной изъ своихъ эниграммъ ¹⁾ Мушицкій говоритъ:

Два су отдѣленія наглавнѣя народне школе,
 Два су и книжества та! Сербско и Славенско: знай.
 Стоя обома на челу: „Добро с житиѣ и како
 Люди мислити“ ²⁾. Вп'ш цѣльи дѣлцима свим'.

Высоко оцѣнивая значеніе роднаго языка для Сербовъ, Мушицкій съ прискорбіемъ упоминаетъ, что Витковичъ пишетъ по-мадьярски, не по-сербски, а сербскій языкъ называетъ „вѣчною драгоценностью сербскою“. „Какая драгоценность осталась у насъ послѣ Коссовской битвы?“, спрашиваетъ онъ. „Одинъ лишь языкъ, архивъ нашихъ мыслей. Онъ для насъ все!“ ³⁾. Но въ то же время и въ своихъ одахъ, и въ своихъ посланіяхъ, и въ эниграммахъ Мушицкій настойчиво проводить мысль, что славянской языкъ, языкъ церкви, долженъ быть дорогъ всякому Сербу, долженъ занимать подобающее ему мѣсто въ сербской литературѣ. Такъ въ одѣ „Гласъ народолюбца“ Мушицкій, указывая, что сербское племя связано въ единое цѣлое лишь вѣрою и языкомъ, говоритъ:

Напъ языкъ церкви — вѣчныя стѣны церкви,
 Опъ щить для ея дверей,
 А повсемѣстный языкъ Сербскаго племени
 Выражаетъ нашъ умъ и характеръ.

Далѣе онъ взываетъ къ писателямъ, чтобъ они любили оба языка:

Вы, писатели, равно любите языкъ
 Своей церкви, своего племени,
 Тотъ намъ не чуждъ, этотъ не простъ!
 Обоими гордятся Сербъ.
 Тотъ не есть достояніе лишь церкви,
 Этотъ—лишь сельской избы.

.....
 Славянской и сербской языки—два пути
 Къ одной цѣли они насъ ведутъ.
 Къ чему мы стоимъ долго на распутии?
 Зрѣвшій совѣтъ, а затѣмъ трудъ.

.....
 Начни, да пиши славянскимъ или сербскимъ,

¹⁾ Собр. сочин., т. IV, 10.

²⁾ Оригинальное толкованіе названій славянской азбуки буквъ Д, Ж, И, К, Л, М.

³⁾ Собр. соч.. т. IV, стр. 49.

Но лишь чисто! Дни работай!

Вотъ,—двѣ грамматики двухъ языковъ
Нужно дать сербскимъ дѣтямъ.

Обращая вниманіе патриотовъ на необходимость очистить и беречь родной языкъ, поэтъ говоритъ:

Въ разговоръ не мѣшай слова, которыя
Сковалъ Стамбулъ, Вѣна и Римъ.
Не пишите другъ другу языкомъ чужимъ,
Такъ не дѣлаютъ Тевтонъ и Галль.
Кто стыдится своего языка,
Тотъ стыдится своего рода...
Пойдемъ согласно всѣ въ одной цѣли!
Наша сила въ единствѣ ¹⁾.

Въ примѣчаніяхъ къ этой одѣ ²⁾ Мушицкій поясняетъ мысль ея словами: „языкъ у Сербовъ двойной“, и указываетъ, въ какихъ случаяхъ долженъ быть употребляемъ тотъ или другой изъ нихъ: „славянскій“—языкъ „церковный, богослужебный, книжный“,— „сербскій“— „народный, общій, говорный“.

Эту же мысль выражаетъ онъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ, какъ только заходитъ рѣчь о сербскомъ языкѣ. Въ „Одѣ о употребленіи обоюдо нарѣчій сербскаго языка, книжнаго же и бесѣднаго на поли сербскаго княжества“ ³⁾, написанной въ 1821 г., Мушицкій выражается такъ:

Двѣ суть намъ Гради сербски словесности:
Славянки обѣ, старша со младшею.
Сербини обѣ, въ ризѣ разна
Кроя, а взоромъ, челомъ, сестры суть.
Побѣдъ не ищутъ, аще и мнитса намъ
Изъ словъ бесѣдныхъ. Старша писатъ нача
Издавна, младша пишетъ нынѣ.
Обѣ насъ славятъ въ славенствѣмъ родѣ.

А въ „Одѣ младымъ Сербомъ отъ пѣвца арфы Шишатовачкія“, написанной въ томъ же 1821 году, онъ обращается къ молодому поколѣнію съ такими словами:

Единая вѣра насъ и единый языкъ,
Младія Сербі! Рода во цѣлости

¹⁾ Собр. сочин., т. I, 92—98.

²⁾ Ibid., стр. 174—175.

³⁾ Собр. сочин., т. IV, 129—131.

Держать, хранить, живутъ, растятъ ме
 Въ вѣкъ не подвижется родъ, хранящій
 Та!.....

Призывая молодыхъ Сербовъ изучать славянскій языкъ, поэтъ
 общается:

За мною первый иже изъ васъ начнетъ
 Пѣтъ мило сербску Фебу языкомъ спитъ,
 Тому мой варвить, гордъ заслугой,
 Вѣрна ми спутника жизни въ даръ дамъ!

Но наслѣдника на полѣ поэзіи сербо-славянскоу у Мушицкаго не
 было, и его „варвить“ остался нетроутымъ никѣмъ.....

Въ 1819 году Мушицкій обращается къ „сербскому ученому друж-
 ству“ съ одой, въ которой совѣтуетъ принять языкомъ книжнымъ
 „старый языкъ“, понимая подъ нимъ языкъ своихъ „словено-серб-
 скихъ“ одъ.

Но самое полное изложеніе мнѣній Мушицкаго о необходимости
 употреблять два языка въ сербскоу литературу мы находимъ въ „Эпи-
 столѣ“, которой дано слѣдующе заглавіе: „Епістола народодлюбивія
 мысли о возвышеніи и распространеніи сербскаго книжества госпо-
 дину Димитрію Давідовичу, учреднику (редактору) Сербскихъ вѣдо-
 мостей ¹⁾). Мушицкій испугался спора о языкѣ, который начался
 тогда у Сербовъ, и требуетъ отъ писателей дѣятельности, а не
 взаимныхъ пререканій и обличеній. Онъ начинаетъ свою „епістолу“
 такъ:

Два предѣла держи, Драгутине книжества Сербска;
 Имъ въ границы подаждь сербскій, славенскій языкъ.
 Требуешь благо народа, о томъ да не множатся распри.
 Сродны союзники чти нашъ сугубый языкъ.

Говоря о значеніи славянскаго языка для Сербовъ, Мушицкій за-
 мѣчаетъ:

Сербскъ онъ сынъ *Славенскимъ* названъ бѣ, яко по міру
 Поиде, сродныхъ Славенъ всѣхъ привести ко Христу.

Такимъ образомъ, церковно-славянскій языкъ и по своему началу
 представлялся Мушицкому сербскимъ, но лишь забытымъ, ста-
 рымъ.....

Многіе противники Вука Караджича замѣчали ему, что его языкъ
 уже потому не можетъ быть литературнымъ, что онъ грубъ, что это

¹⁾ Собр. сочин., т. III, 138—156.
 часть ссхVI, отд. 2.

языкъ пастуховъ и простаго народа, языкъ „говедарскій“. Мушицкій понималъ всю бессмыслицу такого упрека и замѣчаетъ:

Книжна (языка) ниже болгаризми, россизми, ниж' карантинизми
(Сербе не бойса) сквернять; как' ни говорна овчарь.
Яже суть несходственна, странна, погрѣшна и драхла.
Сама собою спадуть. Марь намъ критіцы дадать.

Особенную важность употребленію славянскаго языка въ сербской книгѣ Мушицкій придавалъ не только потому, что онъ приписывалъ ему особенное значеніе, какъ обработанному, литературному языку, но и потому, что онъ, по его мнѣнію, доступенъ всему славянскому міру. Когда нѣкто Владиславъ Чикошъ, прозванный въ Сербіи Владиславомъ Стоядиновичемъ, написалъ Мушицкому славянскую оду, то нашъ поэтъ, между прочимъ, отвѣтилъ эпитафией:

Ей славенски поя, патицесати поеши
Днесь миліонамъ ты! Всяко (то-есть, во всякомъ случаѣ) славен-
ски намъ пой ¹⁾.

Языкъ—хранитель народности, и понятно, что патриотъ-епископъ, создавая школы въ своей епархіи, старался, чтобы дѣти выносили изъ нихъ ясное пониманіе высокаго значенія роднаго языка. Такъ для семинаристовъ, которые учились въ семинаріи въ Плашкѣ, онъ сочинилъ славянскую „кенту“, въ которой приписывается грамматикѣ и словарю сила защищать и охранять народность ²⁾. Въ другой пѣснѣ Мушицкій такъ говоритъ отъ имени ученика:

Я Сербинъ сербски читаю, пишемъ,
И духомъ сербскимъ къ роду дышемъ.
Па пѣсмомъ сербскомъ дижемъ родъ.
Свой языкъ свакии народъ чува:
Зашт' њнме своимъ родомъ быва,
Ньимъ славе куша ума плодъ.

(Я, Сербъ, по сербски пишу, читаю, и по духу—а Сербъ, сербскою пѣснью я возвышаю свое племя. Всякій народъ хранитъ свой языкъ, потому что при его помощи онъ бережетъ свой внѣшній обликъ; на немъ онъ слаще вкушаетъ плоды ума ³⁾).

Но гдѣ границы употребленія славянскаго и сербскаго языковъ? Какая область литературы принадлежитъ тому и другому? Мушицкій и самъ писалъ на сербскомъ языкѣ многія изъ своихъ одъ и вполнѣ есте-

¹⁾ Собр. соч., IV, 105.

²⁾ Ibidem, стр. 235.

³⁾ Ibidem, стр. 137.

ственно признавалъ необходимость литературной обработки простаго сербскаго нарѣчія.

При этомъ замѣтимъ, что почти всѣ важнѣйшія его „сербскія“ оды переведены имъ же и на „славенскій“ языкъ, но свои „славянскія“ оды онъ не переводилъ на сербскій, вѣроятно—полагая, что онѣ понятны для всякаго образованнаго Сербя.

Что касается употребленія того или другаго изъ этихъ языковъ, то Мушицкій требуетъ, чтобъ они не смѣшивались подъ перомъ писателя:

Оба эти нарѣчія напи, Сербъ,
Но ты дай имъ границу.
Не терйяя ни того, ни другаго,
Но не дѣлай смѣси изъ нихъ.

Такъ говоритъ поэтъ въ своемъ „Гласѣ народолюбца“. Въ примѣчаніяхъ ¹⁾ къ „Гласу“ онъ указываетъ, гдѣ долженъ, по его мнѣнію, употребляться славянскій и гдѣ сербскій языкъ.

Славянскій (книжный): а) въ церковномъ богослуженіи; б) въ церковныхъ книгахъ; в) въ сербскихъ консисторіяхъ; д) въ письменныхъ сношеніяхъ между директоромъ и учителями; е) въ учебныхъ книгахъ; ж) въ мірскихъ книгахъ; з) у писателей сербскихъ вообще; и) у духовенства сербскаго, свѣтскаго и монашествующаго; к) у болѣе просвѣщеннаго класса народа.

Сербскій (говорный): а) въ общезитіи и обыкновенныхъ сношеніяхъ; б) въ книгахъ начиная съ 1783 г. (Обрадовичъ); в) въ обученіи народа.

Эта программа Мушицкаго, въ которой онъ хотѣлъ начертать роль обоихъ языковъ, далеко неясна и показываетъ то несостоятельное положеніе славянскаго языка, въ которое его ставилъ ревностный патріотъ.

Политически-воскресающій народъ, народъ, казалось, погибшій подъ вражескимъ игомъ и вдругъ почувствовавшій приливъ свѣжихъ силъ, естественно долженъ былъ создать литературу на своемъ языкѣ. Ученый и трудолюбивый Мушицкій, воспитавшій свое поэтическое дарованіе на образцахъ псевдо-классической поэзіи и вполне подчинившійся предписаніямъ Горація въ его *De arte poetica*, не подумалъ, что пора, когда мертвый языкъ могъ быть языкомъ литературы, миновала, и что слѣдовало бы поискать между живыми славянскими языками такой,

¹⁾ Собр. соч., т. I, стр. 174—175.

который могъ бы съ правомъ занять мѣсто посредника между всѣми Славянами. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, когда Добровскій напечаталъ свои *Institutiones linguae slavicae*, многіе были убѣждены, что старо славянскій языкъ, ошибочно ими представляемый родоначальникомъ всѣхъ живущихъ славянскихъ нарѣчій, можетъ и долженъ вновь сдѣлаться употребительнымъ для взаимныхъ славянскихъ сношеній ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ исторіи отношеній Лукіана Мушицкаго къ ореографіи и нововведеніямъ Вука Караджича.

Одинъ изъ его біографовъ ²⁾ приводитъ отрывокъ изъ письма его къ Вуку Караджичу отъ 25-го ноября 1821 года, въ которомъ Мушицкій называетъ себя „наибольшимъ защитникомъ“ его ореографіи. „Мушицкій, къ сожалѣнію, впослѣдствіи отъ этого отказался и вновь возвратился къ старому правописанію“, продолжаетъ его біографъ. Изъ этого видно, что Мушицкій „не былъ постоянней въ своихъ литературныхъ убѣжденіяхъ“ (у своимъ книжевшимъ теж-кама)³⁾. Упрекъ несправедливъ. Утверждая, что для сербской литературы необходимо имѣть два литературные языка, при чемъ одинъ изъ нихъ имѣлъ уже свою опредѣленную ореографію, Мушицкій едва ли могъ за фонетическимъ правописаніемъ Вука Караджича признавать то высокое значеніе, которое ему придавалось сторонниками этой реформы.

Въ „Надписяхъ на сербско кнѣжество“, занимающихъ почти весь четвертый томъ его сочиненій, находимъ взглядъ Мушицкаго на измѣненія въ ореографіи сербской, которыя были совершены Вукомъ. По просьбѣ Караджича и Копитара, онъ посылалъ къ нимъ въ Вѣну рукопись своихъ „Надписей“, и какъ видно изъ отвѣта Караджича ³⁾, далеко не все понравилось ему, хотя онъ и предлагалъ напечатать эти „Надписи“ въ Вѣнѣ.

Мушицкій уже не употреблялъ постоянно ѣ въ своихъ сербскихъ одахъ, но въ его славянскихъ пѣсняхъ этотъ знакъ находится почти всегда на своемъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, уже значительно раньше Мушицкаго стали выбрасывать этотъ знакъ изъ сербской азбуки. Такъ Доснѣей Обрадовичъ въ своемъ первомъ трудѣ „Животъ и при-

¹⁾ Многіе и теперь полагаютъ, что возможна въ будущемъ такая роль старо-славянскаго языка. Такое мнѣніе и слышалъ въ Люблянѣ, Загребѣ, Белградѣ!

²⁾ Райковичъ—въ *Лит. Матицы Српск.* 120, стр. 150.

³⁾ *Лит. Мат. Српск.*, 120, 151.

ключенія", издавномъ въ Лейпцигѣ въ 1783 году, не всегда его ставиль. Даже Савва Текелій, этотъ противникъ Вуковой ореографіи, который въ своемъ письмѣ къ епископу Будимскому по поводу измѣненій въ ореографіи, предложенныхъ Вукомъ, прямо высказывается противъ употребленія ѣ¹⁾, еще въ 1805 года напечаталъ книгу „Римляни у Шпаніи“ безъ ѣ, а въ 1810 году нѣкто Савва Меркайло издалъ въ Будимѣ книжку подъ заглавіемъ: „Сало дебелога ера либо азбукопретреа“, въ которой онъ указываетъ тѣ измѣненія въ азбукѣ сербской, которыя, по его мнѣнію, необходимы, а объ ѣ такъ выражается: „о дебеломъ еръ (ѣ) нечего и говорить, потому что онъ не представляетъ никакого звука, не есть письменный знакъ и никакой нужды или потребности въ немъ нѣтъ“²⁾. Мушицкій однако старался въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не отиѣчалъ твердую конечную согласную ѣ-омъ, замѣнять его знакомъ ' (апострофомъ).

ѣ Мушицкій употреблялъ лишь тамъ, гдѣ сербскій выговоръ требовалъ смягченія; поэтому вездѣ, гдѣ исторія формы требовала бы присутствія ѣ, мы часто не находимъ его слѣдовъ или замѣну его ѣ, напимѣръ можешъ. Въ эпиграммѣ подъ заглавіемъ Schreibe wie du sprichst³⁾, Мушицкій прямо совѣтуетъ отбросить ѣ въ тѣхъ словахъ, которыя въ сербскомъ языкѣ потеряли свое мягкое изглашеніе конечныхъ согласныхъ, какъ напимѣръ кост (кость), радост (радость) и т. д.

Какъ извѣстно, сильную бурю противъ такъ-называемой Вуковицы возбудило введенное Караджичемъ въ сербскую азбуку j. Мушицкій въ этомъ отношеніи стоялъ выше своихъ современниковъ и не видѣлъ въ j признаковъ латинской ереси, хотя самъ употреблялъ этотъ знакъ по преимуществу въ сочетаніи jo⁴⁾. Въ одной изъ своихъ эпиграммъ⁵⁾ онъ замѣчаетъ, что j — знакъ древне-еврейскій, точно такъ же, какъ и ш, принятое въ славянскую азбуку.

ш, по мнѣнію Мушицкаго, должно быть исключено изъ сербской азбуки и можетъ остаться лишь въ славянской: „тамъ, то-есть, въ

¹⁾ Вука Стеф. Караџића и Саве Текелије писма Високопреосвящененомъ господину Платону Аппацковичу о Српскомъ Правопису, У Бечу, 1845, стр. 9—13.

²⁾ Сало дебелога ера, стр. 13.

³⁾ Собр. соч. IV, 14.

⁴⁾ Голубица, т. IV. Письмо Магарашевичу 1818 г., стр. 306. Собр. соч. IV, 13.

⁵⁾ Собр. соч., IV, 13, 71.

славянской азбукѣ, Судуть тебѣ всегда воздавать честь и старикъ, и юноша",—говорить онъ ¹⁾).

Для обозначенія мягкаго *e* Мушицкій постоянно употреблялъ *ε*, то-есть *э*, поставленное на обороть.

Между *и* и *і* Мушицкій не допускалъ разницы и часто, особенно въ именахъ греческихъ, употреблялъ *і* предъ согласными. Какъ известно, Вукъ Караджичъ въ своей Писменицѣ ²⁾ еще не употреблялъ *j*, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ впоследствии ставилъ *j*, онъ писалъ *i*, напримѣръ *ie*, слѣдуя въ этомъ отношеніи правилу Саввы Меркайла ³⁾).

Что касается *e*, *и*, *ъ*, *ю*, то Мушицкій требовалъ, чтобы они остались въ сербской азбукѣ, какъ болѣе простые знаки, чѣмъ *je*, *ja*, *ju* и т. д., предлагаемые Вукомъ ⁴⁾).

Признавая нужду въ знакахъ *ђ* и *ћ*, — Мушицкій лишь вооружался противъ формы, предложенной Вукомъ для *ђ*. Караджичъ предлагалъ для этого звука знакъ *h*: Мушицкій въ письмѣ къ Магарашевичу ⁵⁾ отстаиваетъ ту форму, которая и теперь употребляется въ сербской азбукѣ. О томъ же говоритъ онъ и въ эниграммѣ, обращенной къ Давидовичу ⁶⁾. Караджичъ сначала не соглашался съ Мушицкимъ относительно начертанія этого знака, но впоследствии принялъ его.

Что касается *ћ*, то Мушицкій хотя и употреблялъ этотъ знакъ, но часто также писалъ вмѣсто *ћ*—*ть*.

Пародируя правило Вука Караджича: пиши какъ говоришь, Мушицкій одну изъ своихъ эниграммъ ⁷⁾ озаглавливаетъ: „некъ пише, како ко уме“ (пусть всякій пишетъ, какъ кто умѣетъ). Въ ней онъ сравниваетъ писателей съ поварами, которые приготовили дорогія кушанья, но одинъ забылъ положить соли, другой—перцу, третій—уксусу, и блюда оказались никуда не годными. Ученый классикъ не могъ помириться со всѣми крайностями фонетическаго правописанія и въ своихъ эниграммахъ то нападаетъ на Караджича за српски вмѣсто

¹⁾ Собр. соч., т. IV, стр. 72.

²⁾ Писменица србскогo језика. У Виенни 1814.

³⁾ Сало дебелогa ера, стр. 12.

⁴⁾ Собр. соч., IV, 66, 70.

⁵⁾ Голубица., т. IV, стр. 306.

⁶⁾ Собр. соч., т. IV, 64.

⁷⁾ Собр. соч., IV, 19.

србски ¹⁾, то осуждаетъ формы „свецы“, „желудцы“, „оца“ вмѣсто светцы, желудцы, отца ²⁾, то удивляется слову Глигорій вмѣсто Григорій ³⁾ и требуетъ формы свобода вмѣсто слобода, потому что это слово происходитъ отъ свой.

Такимъ образомъ, можемъ заключить изъ отзывовъ Мушицаго, что далеко не всѣ нововведенія Караджича встрѣчали въ немъ защитника. Онъ словно самъ не уяснилъ себѣ, чего нужно держаться, и потому не выдерживаетъ той исторической основы орфографіи, которую, повидимому, склоненъ защищать отъ крайностей фонетической системы правописанія.

III.

Стихотворныя произведенія Лукіана Мушицаго въ свое время пользовались большою славой. Онъ писалъ оды, эпистолы, элоги и эпиграммы. Племянникъ его, Георгій собралъ эти стихотворныя произведенія, изъ которыхъ многія до того времени были извѣстны лишь въ рукописи, и издалъ ихъ въ 4-хъ книгахъ, вышедшихъ въ Пештѣ и Новомъ Садѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Лукіана Мушицкогъ Стихотворенія. 4 тома—1838—1848 г.“ Въ первомъ томѣ собраны оды на сербскомъ языкѣ, во второмъ и третьемъ оды и эпистолы на славяно-сербскомъ или, какъ называетъ этотъ языкъ Новаковичъ, на русско-славянскомъ ⁴⁾, въ четвертомъ — „Надписи на сербско княжество“, то-есть, эпиграммы; тутъ же напечатано нѣсколько славянскихъ и сербскихъ одъ, не вошедшихъ въ первые три тома, „любовныя пѣсни“, сочиненныя поэтомъ во время его молодости, и нѣсколько его переводовъ.

Мнѣнія историковъ сербской литературы о значеніи поэтической дѣятельности Мушицаго довольно разнообразны. Новаковичъ въ своей исторіи „сербской книжности“ отзываясь о Мушицкомъ такъ: „Воспѣвая имя, вѣру и языкъ, Мушицкій тенденціозностью своей поэзіи заинтересовалъ тогдашнихъ сербскихъ читателей. Онъ былъ ученый человекъ, хорошо зналъ классическую литературу... и думалъ, что сербская литература разовьется, когда будетъ имѣть произведенія, похожія на творенія Горація и Клопштока... О немъ

¹⁾ Собр. соч., IV, 36, 37, 79.

²⁾ Ibid., IV, 77.

³⁾ Ibid., 79.

⁴⁾ Исторія Српске книжности. Стојан Новаковић. 2-е изд. 1871, стр. 236.

можно сказать, что онъ все свое дарованіе надорвалъ на высокоучености и въ поэзи, и въ язвѣ... Лукіанъ Мушицкій можетъ быть названъ родоначальникомъ нашихъ одъ¹⁾.

Ив. Субботичъ въ брошюрѣ: „Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Litteratur“²⁾ говоритъ: „Мушицкій — одинъ изъ творческихъ гениевъ не только сербской, но и всеобщей словесности; онъ создалъ особый родъ оды — именно народную оду. При его жизни были напечатаны лишь немногія изъ его одъ, но каждая изъ нихъ дѣйствовала, какъ ракета; каждая возбуждала шумъ въ литературѣ... Мысли, высказанныя въ одѣ, падали какъ искры на души читателей и воспламеняли въ нихъ любовь къ народу и къ литературной дѣятельности“. „Поэзія Мушицакаго, какъ всякая тенденціозная поэзія, настраиваетъ читателя въ томъ или другомъ направленіи, но не можетъ его приковать къ себѣ на-долго“. Разсматриваемая сама по себѣ, она представляетъ единственное явленіе въ своемъ родѣ: такъ можетъ говорить лишь человѣкъ, равный гениямъ высшаго порядка“.

Если отзывъ Новаковича слишкомъ умаляетъ значеніе и заслуги Мушицакаго какъ поэта, если историкъ сербской литературы не оцѣнилъ его попытки пробудить самосознаніе въ сербскомъ обществѣ, подвергавшемся самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, то, съ другой стороны, нельзя не видѣть и въ отзывѣ г. Субботича, крайности патріотическаго увеличенія. Мушицкій не былъ „человѣкомъ, равнымъ гениямъ высшаго порядка“.

Оды его, по преимуществу, — произведенія патріотическаго содержания. Мысли ихъ навѣяны событіями сербской жизни. Поэтому всѣ эти произведенія характера дидактическаго.

„Имя, вѣра и языкъ“ — вотъ что должно быть священо для Сербовъ, вотъ что составляетъ драгоцѣнный остатокъ ихъ старины, пережившей вѣка рабства и соединяющей ихъ въ одну семью. Отказавшись отъ одного изъ этихъ признаковъ, Сербъ теритъ свою народность и становится чужимъ человѣкомъ. Эта мысль составляетъ основную идею всѣхъ произведеній Мушицакаго. Всѣ лучшія его оды относятся къ тѣмъ событіямъ въ жизни сербскаго племени, въ которыхъ выразился прогрессъ національнаго самосознанія.

Мы имѣли уже случай указать на оду его подъ заглавіемъ „Жертво-

¹⁾ Ibid., стр. 236, 237.

²⁾ Вава, 1850, стр. 46—50.

приношеніе сербскомъ имену“, которою онъ отвѣтилъ митрополиту Стратемировичу на его письмо, запрещающее употреблять въ официальныхъ актахъ слово Сербъ, сербскій. Въ ней названіе Сербъ „има рода“ Мушицкій объявляетъ святынею. Въ одѣ къ портрету Петра Текели Серблына, который былъ русскимъ генераломъ, Мушицкій, убѣждая Сербовъ вѣрно служить австрійской державѣ, замѣчаетъ, между прочимъ: „вы найдете, что Сербу—прекрасно быть Сербомъ“¹⁾. Патриотъ-епископъ съ негодованіемъ замѣчалъ, что образованные Сербы отказываются легко отъ своей національности. — Дорожа честью сербскаго народа, онъ старается защитить Сербовъ отъ тѣхъ укоровъ, которые дѣлались ихъ характеру. Когда Стефанъ Живковичъ, бывшій секретарь народнаго совѣта во время возстанія противъ дахіевъ, покинулъ родину и отправляясь въ Россію, посѣтилъ Мушицкаго въ Шиматовцѣ, то сильно нападалъ на Сербовъ. Мушицкій тогда написалъ оду, въ которой горячо доказываетъ, что сразу ни въ одномъ народѣ никогда не возникало просвѣщеніе, улучшающее природу человѣка. Онъ совершенно справедливо говоритъ:

Единимъ нама давъ просвѣщенія
 Безъпоѣна мрака, или внезапно безъ
 Руенперстие предходнице
 Зарь да возсія? Да за часъ плодъ зре²⁾?

(Развѣ можетъ возсіять единственно у насъ день просвѣщенія безъ ночнаго мрака, внезапно, безъ предшественницы румяной зари? Можетъ ли въ короткій мигъ созрѣть плодъ)?

Ода Мушицкаго по преимуществу носитъ характеръ поученія. Онъ взываетъ къ молодому поколѣнію, чтобы оно изучало свой языкъ, свою исторію, проповѣдуетъ противъ внутреннихъ несогласій, противъ борьбы партій. Онъ приглашаетъ Сербовъ соединиться для согласнаго и дружнаго труда. Сербъ долженъ стараться узнать своихъ соплеменниковъ, съ которыми связанъ вѣрою и языкомъ и именемъ: Знаетъ ли что-нибудь добрый Воснякъ о Сремцѣ? Знаетъ ли Сремецъ о Черногорцѣ? спрашиваетъ Мушицкій въ „Гласѣ Народолюбца“³⁾. „Познаимъ, роде, сами себе“, замѣчаетъ онъ⁴⁾. Въ славянской одѣ, обращенной къ „Австрійскимъ Сербамъ“, Мушицкій увѣщаетъ Сер-

¹⁾ Собр. соч., т. I, 137.

²⁾ Собр. соч., т. I, 36.

³⁾ Собр. соч., т. I, 92.

⁴⁾ Собр. соч., т. II, 98.

бовъ учиться,—ибо лишь такимъ образомъ они могутъ сохранить свою народность въ Австріи ¹⁾). Цѣлью своей жизни ставитъ онъ:

Хранит' языкъ и вѣру;
 Пѣт' сербско нмѣ, духъ;
 Обычай, храбрость стару;
 Любовь взаимну всѣхъ;
 Творят' добра толико
 Снароданкомъ моимъ,
 Мінерва, Фебъ елико
 Миѣ даша ²⁾).

Поэтому Мушицкій и воспѣваетъ доблесть Милоша Обилича, убившаго Мурата предъ Коссовской битвою, въ одѣ на „Видовъ-данъ“, которую оканчиваетъ характернымъ двустишіемъ:

Варъ поодно, Серби, учитес' цѣнит'
 Нравствене Милоше, лажъ дознават'.

Радуюсь всякому успѣху Сербовъ на поприщѣ науки, Мушицкій гордится тѣмъ, что Терманчъ и Стойковичъ были профессорами въ Россіи и пишетъ оду, при вѣсти, что одинъ изъ Сербовъ, Александръ Милуновичъ выбранъ прессофоромъ медицинскаго факультета въ Пештскомъ университетѣ ³⁾).

Мушицкій въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ постоянно указывалъ на высокое значеніе православія, какъ церкви національной, сербской. Славянскій языкъ потому особенно дорогъ для него, что онъ языкъ церкви, „щитъ у ея дверей“ ⁴⁾). Сравнивая сербскую церковь съ кораблемъ, онъ говоритъ:

. . . . Древній корабль святой,
 Еще хранящій въ цѣлости сербскій родъ
 Со сныи плававъ, разнымъ щастьемъ,
 Міра по морю, се нынѣ вижде
 Во слабо мѣсто, страхомъ, надеждою
 Обято. Вѣтра нѣсть ни откуда намъ!
 Срываетъ тля корабль вѣбду,
 Внутри кораблевники разны волни.
 Раземлютъ въ части. Кознемъ себѣ дають:
 Врази сердцама, въ обманъ цѣлуются;

¹⁾ Собр. соч. т. III, 101.

²⁾ Собр. соч., т. II, 92.

³⁾ Собр. соч., т. II, стр. 49.

⁴⁾ Собр. соч. т. I, 98.

Користи все собственны ищутъ;
Цѣль да сію забываютъ общу ¹⁾!

Мушицкій очень интересовался вопросомъ, нельзя ли создать въ Австріи „синаодъ церкви восточной апостольской“, который бы заботился о церковныхъ дѣлахъ всего православнаго народонаселенія Австріи. Митрополитъ Стратимировичъ, которому онъ доставилъ нѣсколько своихъ духовныхъ одъ, содержавшихъ указанія на этотъ предметъ, не только не оцѣнилъ ихъ, но и отослалъ назадъ съ грубымъ письмомъ, что онъ проситъ писателя „пощадити отъ таковыхъ поетическихкихъ ума вашего производовъ“.

Чисто духовный характеръ носятъ оды, въ которыя перекладывалъ Мушицкій псалмы. Такихъ одъ у него 6 ²⁾. Онъ перевелъ, между прочимъ, и 81-й псаломъ, тотъ самый, который переложень, и Державиннымъ. Стоитъ сравнить нѣсколько стиховъ этого перевода съ произведеніемъ лиры пѣвца Екатерины, чтобы убѣдиться, что Мушицкій весьма немного возвышался надъ русскими стихоплетами до Державиннаго времени.

Ста Богъ всевышній, еже судить земныхъ
Боговъ, всредь сонма ихъ и рече: Доколь
Пребудеть вамъ та грѣшна дерзость,
Злобнымъ щадить и друговъ неправды?
Не вашъ ли долгъ есть твердо хранить законы?
На лица сильныхъ, съ тщетою нища, не
Взирать; сиротъ и вдовъ, виѣ сущихъ
Помощи, нищихъ не пуцати въ лють день?

А вотъ начальныя строфы перевода Державина:

Возсталъ Всевышній Богъ да судить
Земныхъ царей во сонмѣ ихъ.
«Доколь, рекъ, доколь вамъ будетъ
«Щадить неправедныхъ и злыхъ».

Переложеніе псалмовъ Мушицкимъ возбудило негодованіе Стратимировича, который увидѣлъ въ этомъ чуть ли не ереси и писалъ: „Псалмы Давидовы по Гораціевой или коего нибудь язычника и отъ игратися не имуть“.

Когда въ 1819 г. была открыта въ Новомъ Садѣ сербская гимназія, основанная на пожертвованія патриотовъ, по мысли и почину

¹⁾ Собр. соч., т. III, 192.

²⁾ Собр. соч., т. III, 124—137.

Саввы Вуковича, внесеннаго для этой цѣли еще въ 1809 году 20,000 гульденовъ,—Мушицкій отозвался двумя одами — славянскою и сербскою. Въ нихъ онъ указываетъ, какова должна быть цѣль воспитанія. Воспитаніе должно вести человѣка къ счастью, а

Въ счастью путь есть одинъ: есть благоправіе!
Прочи вси путіе ложни. Достойнымъ быт'
Щастія —цѣль человѣча ¹⁾.

Въ этой же одѣ Мушицкій говоритъ, что необходимо включить въ учебный курсъ гимназій „древній языкъ Эллады мудры,— съ нашимъ паче иныхъ языкъ сушь согласенъ“ ²⁾.

Точно также отозвался одою онъ „на открытіе библіотеки Ново-Садскія“ въ 1822 году. Особенную же радость патриотъ-епископъ испытывалъ, когда заходила рѣчь объ учрежденіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ кафедръ славянскаго и сербскаго языковъ: то доказываетъ онъ въ одѣ, что необходимо открыть кафедры сербскаго языка въ гимназіяхъ, академіяхъ и университетахъ ³⁾, то выражаетъ онъ мысли о соединеніи кафедръ славянскаго и греческаго языковъ, то наконецъ пишетъ оду: „о еже возбудити младыхъ Сербовъ учащихся шнѣ въ вышшихъ училищахъ, да израние приуготовляются ко завестися имущимъ кафедрамъ славенскаю и греческаго языковъ“ ⁴⁾.

Мушицкій отзывался въ своихъ одахъ на всѣ важнѣйшія событія, которыя имѣли какое нибудь отношеніе къ развитію сербской литературы и распространенію просвѣщенія между Сербами. Поэтому въ его одахъ мы находимъ иногда имена совершенно неизвѣстныхъ лицъ въ литературѣ или въ исторіи Сербовъ, но лишь выразившихъ желаніе помочь сербскому учащемуся юношеству или имѣющихъ нѣкоторыя заслуги въ этомъ отношеніи. Мушицкій побуждалъ Дмитрія Давидовича, издателя сербской газеты въ Вѣнѣ, основать сербскую типографію, а когда Давидовичъ въ 1819 г. дѣйствительно открылъ ее, Мушицкій въ одѣ выразилъ убѣжденіе, что теперь газета, редактируемая Давидовичемъ, будетъ извѣстна повсюду, гдѣ употребляется сербскій языкъ ⁵⁾.

¹⁾ Собр. соч. II, 77.

²⁾ Ibid., 78.

³⁾ Т. II, 79.

⁴⁾ Т. II, 86.

⁵⁾ Собр. соч., т. I, стр. 81—84 и 173.

Время дѣятельности Мушицкаго было временемъ—такъ сказать—романтическаго папславизма. Лучшіе славянскіе писатели выражали надежды на близкое осуществленіе единства литературнаго языка у Славянъ и мечтали о возможности соединенія Славянства и въ политической жизни. О томъ, какую цѣну придавалъ Мушицкій трудамъ Добровскаго, я говорилъ выше. Въ своихъ одахъ императору Александру Павловичу, которыя онъ предполагалъ поднести нашему Государю, онъ называетъ его „царемъ Славенскимъ“ и проситъ поддержать его заботы о славянскомъ и сербскомъ языкахъ. Въ одной изъ одъ къ Алѣксандру I Мушицкій упоминаетъ о своемъ намѣреніи основать Сербскій вѣстникъ. Мы встрѣчаемъ у него оды съ такими заглавіями: Сербинъ-Словаку (то-есть, Шафаригу), Сербинъ-Учреднику чешскія словесности (Палацкому), Сербинъ-Чеху (Свободѣ, который перевелъ нѣкоторые оды Мушицкаго на нѣмецкій языкъ), Сербинъ-Впиду (Копитару).

Мушицкій былъ знакомъ довольно хорошо и съ русскою литературою. Слѣдуетъ замѣтить, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ очень внимательно слѣдили въ Славянскихъ земляхъ за развитіемъ этой литературы. Каждый выпускъ лѣтописи сербской матицы или часописи чешскаго музея сообщалъ свѣдѣнія о новыхъ явленіяхъ въ ней. У Мушицкаго находимъ упоминанія о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Державинѣ, Жуковскомъ. Сочиненія Державина вызвали у него элегическую оду, въ которой, между прочимъ, онъ выражаетъ свою душевную скорбь, что практическія заботы объ устройствѣ монастыря отрываютъ его отъ лиры ¹⁾.

По обычаю, господствовавшему еще въ то время въ сербской литературѣ, многія оды Мушицкаго написаны, на случай и къ разнымъ лицамъ, напримѣръ, на день рожденія Франца I, на смерть Іоанна Раича, нѣсколько одъ Стефану Стратимировичу митрополиту и т. д. Оды, обращенныя къ высокопоставленнымъ лицамъ, своимъ содержаніемъ показываютъ, какъ трудно было сербскому поэту обойтись безъ лестя.

„Полетъ идей, сила мыслей, нечаянность въ переходахъ и совершенство выраженій, которыя отличаютъ стихотворенія Мушицкаго, напоминаютъ классическую музу Горація“: такъ отзывается о Му-

¹⁾ Собр. соч., т. I, 26, «Сочиненія Державина у Шпшатовцу» 21-го марта 1816 года.

шицекомъ одинъ изъ его почитателей Георгій Малетичъ въ предисловіи къ своему сочиненію „Споменикъ Лукіану Мушицкомъ“ ¹⁾. Если бы г. Малетичъ сказалъ, что Мушицкій подражалъ формѣ и размѣру Гораціевыхъ произведеній, онъ былъ бы правъ, но едва ли возможно проводить параллель между Гораціемъ — величайшимъ лирикомъ и Мушицкомъ — поэтомъ дидактическимъ, не говоря уже о различіи ихъ таланта.

Главная заслуга Мушицкаго состоитъ въ томъ, что содержаніе его одъ касалось всегда близко дѣйствительныхъ, насущныхъ потребностей сербской жизни, и что онъ, подобно Клопштоку, введшему классическій размѣръ въ нѣмецкій, стихъ сумѣлъ приложить къ сербскому стиху метръ Горація. Любимѣйшимъ метромъ его былъ размѣръ алкейскій: этимъ размѣромъ написаны имъ 32 оды.

Какъ человекъ хорошо образованный и знавшій много иностранныхъ языковъ и литературъ, Мушицкій часто предлагаетъ объясненія къ тѣмъ или другимъ мѣстамъ своихъ одъ въ видѣ выписокъ изъ различныхъ писателей. Такъ, объясняя отдѣльные стихи своей оды Михаилу Витковичу, котораго онъ побуждалъ писать по сербски, Мушицкій приводитъ выдержки изъ Плинія, Ювенала, Цицерона, Горація, Виргилія, Овидія, Саллюстія — по латыни, изъ Гезіода и Пиндара — по гречески, изъ Гердера — по нѣмецки, изъ Ференча — по мадьярски и т. д. Въ своихъ одахъ Мушицкій часто упоминаетъ имена знаменитѣйшихъ ученыхъ, философовъ и поэтовъ, съ сочиненіями которыхъ онъ, очевидно, былъ знакомъ. Въ одномъ стихотворномъ письмѣ къ Кошитару ²⁾ Мушицкій перечисляетъ имена различныхъ славистовъ — составителей словарей, напримѣръ Микали, Ямбренича, Делла-Белла, Велеславина, Бандтке и т. д.

Подражая Горацію и Буало, Мушицкій пишетъ къ Димитрію Давидовичу „епископу народолюбивіи мысли о возвышеніи и распространеніи сербскаго книжества“, посланіе на подобіе *De arte poetica* Горація. Въ этой эпistolѣ, состоящей изъ 287 стиховъ, онъ дѣлаетъ полный сводъ своихъ мнѣній о необходимости двухъ языковъ въ сербской литературѣ: „книжно-сербскаго“ и „бесѣдно-сербскаго“ или „прадѣднаго“ и „матерняго“. Между прочимъ, онъ совѣтуетъ типографу Давидовичу печатать стихи, обозначая ударенія, и въ за-

¹⁾ Споменикъ Лукіану Мушицкомъ. Повор'е духова у едномъ дѣйству одъ Ђорџа Малетича. У Београду. 1845 г.

²⁾ Собр. соч., т. I, 40.

ключеніе требуетъ (по его же словамъ) „ввести въ тонъ гражданскій эксію, варію и письменна W, €“.

И такъ, Мушицкій, какъ поэтъ, принадлежитъ къ псевдо-классической школѣ, при чемъ оды его по содержанію носятъ вполне національный характеръ. Патріотизмъ, забота о сербскомъ образованіи, забота о сохраненіи сербскаго юношества отъ чужестранныхъ вліяній, надежды на воскрешеніе сербскаго племени для исторической самостоятельной жизни—вотъ предметы его поэзіи.

Не соглашавсь ни съ мнѣніемъ г. Стояна Новаковича, который, очевидно, видитъ въ Мушицкомъ лишь сухаго дидакта, ни съ мнѣніемъ г. Ивана Субботича, придающаго Мушицкому значеніе гениальнаго творца оригинальной сербской оды, я долженъ замѣтить, что ода эта, тяжелая по языку, составленная изъ нерисованныхъ стиховъ, построенныхъ по классическимъ размѣрамъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ по формѣ и содержанію произведеній современной ему сербской литературы. Она будила народное самосознаніе, казалась въ свое время стройнымъ и гармоничнымъ произведеніемъ, и позднѣйшіе писатели сербскихъ одъ являются лишь слабымъ отраженіемъ Мушицкаго. Мушицкій умѣлъ и тяжелой церковно-славянской одѣ придать нѣкоторый интересъ, хотя она все-таки напоминаетъ произведенія, вытекшія изъ-подъ пера Тредіаковскаго.

Сербскіе стихотворцы послѣ Мушицкаго не внесли ни одного изъ направленій, господствовавшихъ въ западно-европейской литературѣ, въ сербскую поэзію. Мушицкій своею одою внесъ псевдо-классицизмъ. Послѣдователи его не обладали ни такою многостороннею ученостію, ни такою глубокою любовью къ своей народности, и потому ни одинъ изъ нихъ не превзошелъ Мушицкаго въ этой отрасли литературы.

Мушицкій ясно понималъ, что живой языкъ, прежде чѣмъ сдѣлаться вполне удобнымъ для литературы, долженъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ. Сербскій „бесѣдний или говорный“, какъ его называлъ Мушицкій, языкъ раздѣлялся на много говоровъ и нарѣчій, и понятно, что могла возникнуть опасность, что написанное Сербомъ одной мѣстности не такъ поймется Сербомъ другой. Онъ желалъ, чтобы сербскій литературный языкъ прошелъ по тому же пути, по которому прошелъ и русскій, и поэтому за основу для литературнаго сербскаго языка онъ бралъ церковно-русско-славянской. Искусственность, такъ-сказать, дѣланность языка Мушицкаго, особенно въ его славянскихъ одахъ, затрудняютъ пониманіе его сочинен-

ній, а отсутствіе чутья поэтической красоты часто заставляеть его выражаться просто уродливо. Строгое и весьма послѣдовательное примѣненіе классическаго метра къ сербскому стиху при отсутствіи приемы дѣлаеть еще болѣе ощутительнымъ искусственность его языка.

Но мысль Мушицкаго о двойственности сербскаго литературнаго языка заслуживаетъ во всякомъ случаѣ уваженія. Онъ хотѣлъ крѣпкими узами связать сербскую письменность съ русскою, хотѣлъ выработать литературный сербскій языкъ на прочныхъ историческихъ основахъ, искалъ опоры для нѣжнаго, молодаго организма нарождающейся сербской письменности въ преданіяхъ сербской старины, въ завѣтахъ сербской православной церкви. Новое поколѣніе строгихъ націоналистовъ сербскихъ искало опоры и матеріальной поддержки въ Россіи и въ ея политикѣ (такъ поступалъ и Вукъ Караджичъ, талантливый отецъ этого направленія); патриоты-писатели, подобные Мушицкому, искали опоры для своей дѣятельности въ преданіяхъ сербской церкви. Усиліямъ Мушицкаго не суждено было осуществиться, а талантливые послѣдователи Вука Караджича еще и теперь стараются выработать сербскій литературный языкъ.

И. Кулаковскій.